

ким признакам и генам групп крови показывает тесный параллелизм результатов (см. табл. 2). Псковские поозеры оказываются наиболее сходными с населением прежней ятвяжско-прусской территории и некоторых районов Латвии (средневековая Талава). Обращение к данным археологии позволяет предположить, что истоки сходства восходят к периоду славянского расселения, когда в потоке славян двигались и балты (В.В.Седов, 1960, 1970).

Думается, что отмечаемое явление кранио-серологического параллелизма заслуживает внимания не только в плане локальной проблемы происхождения части населения Псковщины, но и для постановки вопросов антропологической дифференциации в пределах Прибалтики.

Р.Гравере (Рига)

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЕНЕЗИСА ЗЕМГАЛОВ И СЕЛОВ

Согласно археологическим данным, нет единого мнения о времени формирования земгалов. Бытует мнение, что земгалы представлены уже в раннем железном веке и развитие их культуры можно проследить с этого времени до средневековья (Атгасис, 1980). Еще меньше разработана проблема выделения селов как самостоятельной этнической единицы. По мнению Таутовичюса (1980), отдельные балтские племена, известные по историческим источникам, окончательно сложились лишь в середине и во второй половине I тысячелетия н. э.

На своеобразие одонтологического типа земгалов и селов указывает современный одонтологический материал латышей Земгале и Аугшземе. Так, для южных латышей Курземе и Латгале характерен умеренно редуцированный одонтологический комплекс с малым удельным весом признаков восточного происхождения, т.е. средневропейский одонтологический тип,

Т а б л и ц а 2
Сопоставительные показатели обобщенного расстояния по краниологическим данным (могилянк Виски) и по генам групп крови (псковские поозеры)

Комплекс	Краниологический показатель, C^2	Показатель генетического расстояния (по группам крови)	
		Тип I	Тип II
1-й			
Ятвяги	0,085	Польки района г. Капсукаса	0,020
Латгалы (сборная серия)	0,198	Литовцы южной Литвы	0,026
		Латгали Талавы	0,031
2-й			
Словене	0,175	Русские	0,054
Кривичи полонские, Смоленские	0,240	Белорусы	0,055
Вадимичи	0,212		0,209
Дрегольичи	0,177		0,054
3-й			
Эстон	0,364	Эстонцы	0,078
Могилянк Огеля	0,369	Литовцы г. Вильнюса и г. Каунаса	0,087
Аухштайтн	0,331		0,083

который представлен и на всей территории Латвии (Папрецкене, 1980). Латыши Земгале и Аугшземе отличаются более высокой редукцией зубов наряду с повышенной частотой отдельных признаков восточного характера, прежде всего коленчатой складки метаконида, что позволяет отнести их к северному грацильному одонтологическому типу. Однако в современном одонтологическом материале этот тип выявляется главным образом у финноязычных народов (Зубов, 1983). На территории Латвии он представлен на севере Курземе и в западной Видземе, где северный грацильный одонтологический тип в целом также соотносится с древним ливским населением этой территории. Однако северный грацильный одонтологический тип латышей Земгале отличается от одонтологического типа населения древней ливской территории отсутствием четко выраженного комплекса восточных признаков. Здесь присутствует только коленчатая складка метаконида. Напротив, в северном грацильном типе латышей Аугшземе представлен целый ряд особенностей восточного характера, но они отличаются от типичных представителей этого типа низкой встречаемостью второго варианта второй борозды метаконида. Сходная частота указанного признака характерна для северо-европейского реликтового зубного комплекса (Зубов, 1983). Следовательно, современные латыши как Земгале, так и Аугшземе отличаются от типичных представителей северного грацильного одонтологического типа — в первом случае отсутствием комплекса признаков восточного характера, а во втором — низкой для этого типа встречаемостью второго варианта второй борозды метаконида.

Территориальная принадлежность среднеевропейского и северного грацильного одонтологических типов выявляется и в краниологическом материале латышей XII—XIII вв. Среднеевропейский одонтологический тип обнаружен у юго-западных и восточных латышей (Дурбе, Пукули, Салдус, Тервете, Лудза), а северный грацильный — у населения Аугшземе

(Бетели, Кюнци, Ратулани). В более раннем периоде средне-европейский зубной комплекс представлен у латгалов VI—X вв. из Даясбитены и в виде ярко выраженного компонента — у латгалов Видземе и Латгале XI—XIV вв.

Северный грацильный одонтологический тип характерен для даугавских ливов X—XIII вв. и представлен у земгалов VI—XIII вв. (Какужены, Бали, Шкерстайни, Мажотне, Чунканы-Дренгери). Однако земгалы в отличие от ливов обладают всего лишь одним признаком восточного характера — коленчатой складкой метаконида (10%). У балтских племен с территории Литвы (жемайтов, аукштайтов) представлен среднеевропейский одонтологический тип (Papreckiene, 1984).

Таким образом, земгалы по одонтологической характеристике выпадают из круга форм среднеевропейского одонтологического типа, характерного для большинства балтских племен, и сближаются с финноязычными ливами, отличаясь от последних отсутствием четко выраженного комплекса признаков восточного происхождения.

Одонтологический материал раннего железного века, представленный погребениями курганного могильника Боки II—IV вв., в силу скудности данных не позволяет выявить характерный для селов одонтологический тип. Однако у них, как и у населения, оставившего курганные могильники упомянутого периода в Средней Литве, отсутствует коленчатая складка метаконида. Судя по повышенной редукции отдельных особенностей зубов, есть основание предполагать наличие у населения Литвы и Латвии II—IV вв. грацильного зубного комплекса без каких-либо признаков восточного характера.

Таким образом, в генезисе северного грацильного одонтологического типа земгалов и селов, по-видимому, основным компонентом был грацильный европеоидный тип, представленный погребениями курганной культуры Литвы и Латвии. Вместе с тем выявленный у населения Аугшземе последующих столетий комплекс признаков восточного характера с нали-

чем в нем коленчатой складки метаконида, дистального гребня тригонида и в целом пониженной частоты второго варианта второй борозды метаконида мог быть привнесен на территорию рассматриваемых племен после IV-V вв.

Одонтологические данные кивуткальской популяции эпохи бронзы с низовья Даугавы свидетельствуют также о том, что в этот период здесь был представлен северный грацильный одонтологический тип с повышенной частотой встречаемости в нем признаков восточного характера.

В свете сказанного наличие в одонтологическом типе земгалов отдельных черт восточного зубного комплекса и прежде всего коленчатой складки метаконида, возможно, следует расценивать как следствие взаимодействия грацильного европеоидного компонента с местным, в составе которого был представлен восточный компонент.

Р.Денисова (Рига)

КУЛЬТУРА ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ И ПРОБЛЕМА БАЛТСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Обоснование принадлежности поздненеолитической культуры шнуровой керамики балтскому этносу, осуществленное в 50-х гг. XX столетия, полностью согласовывалось с фактическим материалом того времени и явилось закономерным этапом в изучении интересующей нас проблемы. Племена этой культуры были отнесены к пришлым и древнейшим балтским племенам Восточной Прибалтики. В археологическом и антропологическом отношении племена культуры гребенчато-ямочной керамики и культуры шнуровой керамики представляли собой резкую противоположность, что усиливало мнение о миграции последних в Восточную Прибалтику.

Однако представление о пришлом характере племен культуры шнуровой керамики формировалось в отсутствии данных о населении раннего неолита. Анализ краниологических дан-

ных ранненеолитических племен нарвской культуры показал значительную их близость к антропологическому типу племен культуры шнуровой керамики, позволившую увидеть в этом генетическую преемственность между племенами нарвской культуры и культуры шнуровой керамики и усомниться в миграции последних.

Формирование культуры боевых топоров на местной ранненеолитической основе следует рассматривать как переход племен нарвской культуры к производящему хозяйству — вычленению из среды охотников и рыболовов отдельных общин, основным занятием которых становилось пастушеское скотоводство, знаменовавшее собой первое крупное общественное разделение труда на территории Восточной Прибалтики.

Переход отдельных общин нарвской культуры к производящей экономике, естественно, сопровождался формированием новой мировоззренческой системы взглядов, повлиявшей соответствующим образом на весь комплекс явлений, именуемый культурой шнуровой керамики.

Предварительно можно указать на два фактора, вызвавших кризисную ситуацию и необходимость перестройки хозяйственной деятельности у общин нарвской культуры, — природный и культурно-исторический. Первый фактор связан с ухудшением климатических условий, второй — с иммиграцией новых племен (культура гребенчато-ямочной керамики), разрушивших традиционные связи аборигенов с окружающей средой и создавших для многих общин нарвской культуры неблагоприятные условия жизнеобеспечения.

Развитие производящей экономики, начало которой, вероятно, коренится в среднем неолите, конечно же, получало и внешние импульсы, но нет оснований сводить их к мощной волне миграции.

Все сказанное не позволяет связывать племена культуры шнуровой керамики с балтским этносом. Укоренившаяся точка зрения об автохтонном и преемственном развитии